

Его герб

Составитель первой поколенной росписи рода Мусоргских С. В. Любимов — его материалами до сих пор пользуются все биографы композитора — писал в 1916 году: «К потомству Смоленских князей относится, по сказаниям старинных родословцев, целый ряд дворянских родов, сложивших с себя или утративших с течением времени княжеское достоинство отчасти вследствие потери ими своих волостей во время литовских завоеваний, отчасти вследствие постепенного мельчания переходивших к ним уделов и общего обеднения... Герб Мусоргских неизвестен — в Общем гербовнике дворянских родов Российской империи герба их не имеется, как не имеется сведений о том, пользовались ли представители этого рода вообще какими-нибудь гербовыми эмблемами»¹.

Не оспаривая выводов исследователя, можно утверждать, однако, что представители рода Мусоргских пользовались условной гербовой эмблемой, и этими представителями были Модест и Филарет Петровичи.

В Рукописном отделе Пушкинского дома, в фонде Балакирева хранятся два письма Филарета Петровича Мусоргского к Милию Алексеевичу (подписаны «домашним» именем брата композитора — Евгений), оба от 1861 года. Они известны исследователям, хотя не опубликованы полностью, не прокомментированы должным образом (и напрасно: материалы этих писем и недатированной карандашной записки дают дополнительные сведения к фактам биографии молодого Мусоргского, но сейчас не об этом речь). Конверты обоих отправленных по почте писем запечатаны оригинальными скрепами-облатками, изображающими монограмму — гербовый знак Мусоргских. На одном конверте — облатка из тонкой жести, фиолетовая; на другом — бумажная многоцветная, типографской работы. Рисунок в обоих случаях тождествен: знак состоит из начальной буквы фамилии, слегка стилизованной «под готику» (на бумажной облатке — ярко-алой на белом фоне),

и короны над ней (черной с золотом). Использование монограмм на конвертах или бумаге для писем в XIX веке было, конечно, общераспространенным. Однако обращают на себя внимание «готическое» начертание буквы — вероятно, символизирующее древность рода, а особенно корона, указывающая на его, пусть «утраченное с течением времени», но несомненное княжеское достоинство (потомки князей Смоленских).

Время, к которому относятся эти письма, было временем наибольшей близости между братьями. Они тогда жили вместе не только в бытовом смысле. Так, в одном из писем к Балакиреву есть знаменательная фраза: «Исполнить Вашу просьбу и сойтись с человеком, которого Модинька не полюбил, решительно не могу». Разумеется, если даже Модест Петрович никогда не запечатывал своих писем монограммой, он не мог не знать о ее существовании, а скорее всего, принимал участие в ее сочинении. Это очень хорошо согласуется с его упорным стремлением к восстановлению истинного звучания — и смысла — родового имени².

Подобные стремления в былые времена с легкостью были бы объяснены «аристократическими замашками» офицера-гвардейца, которым было до 1858 года Модест Петрович и которым являлся в 1861-м Филарет Петрович. Действительно. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую они оба окончили, была аристократическим учебным заведением, а Преображенский полк — привилегированным гвардейским. Но аристократизм можно осмысливать по-разному. Другой знаменитый выпускник этой школы, путешественник и географ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский писал: «Школа эта ввела меня в товарищеский круг юношей, принадлежавших к таким фамилиям, которые издавна принимали участие в русской государственной жизни»³. Род Мусоргских, принадлежавший к служилому дворянству, тоже издревле принимал участие в русской государственной жизни, хотя и не возвышался «до степеней бояр или окольных». П. П. Семенов через несколько лет после окончания школы не только совершил труднейшее путешествие с научными целями, но и стал одним из главных деятелей крестьянской реформы. Путь Мусоргского нам известен; он тоже имеет прямое отношение к историческим судьбам России.

М. Рахманова

² Кстати, в этом смысле — памяти о смоленско-литовских корнях рода — привлекают внимание настойчивые упоминания Литвы в обеих музыкальных драмах Мусоргского. В «Борисе» — обусловленные сюжетом, особенно в Сцене в корчме («Пока не буду в Литве, не могу быть спокоен...» — по Пушкину), а также и в иных фрагментах (например, «Не вверяйся наветам бояр крамольных, зорко следи за их сношениями с Литвой...» — самостоятельный текст). В «Хованщине» — обусловленные. «Знаешь ли ты, чья кровь во мне?.. Гедиминова кровь во мне, вот что!»

³ Семенов-Тянь-Шанский П. П., Мемуары, т. I, 1917, с. 172.

¹ Любимов С. В., Князья Костровы... Мусоргские. Опыт поколенной росписи, Псков, 1916, с. 15—16.